

**Этот день мы приближали,
как могли...
(Воспоминания ветеранов войны
и тружеников тыла)**

Е.В. Воробьев

«Вы вернетесь с фронта живыми!»

В 1940 году, по ряду обстоятельств, я вынужден был уйти из института. В это время шел призыв в армию. Я пошел в военкомат и вернулся домой к маме остриженным, думая, что еще не старый – отслужу и закончу институт. Нас повезли в Грузию: Сурами, Хашури, Гори. Здесь я служил полгода. Затем тех, кто закончил ВУЗы, а у меня было незаконченное высшее образование, зачислили в первую специальную роту – с тем, чтобы через полгода сделать нас младшими командирами.

Я получил четыре треугольника и звездочки на рукавах, что означало «замполитрук» – это еще не офицер. Я был в зенитно-пулеметном взводе, относящемся к 174 стрелковому полку 20 пехотной дивизии. С октября 1940 года по июнь 1941 года я прослужил здесь. Затем со званием замполитрука был переведен в Гори, в 279 ОЗАД (отдельный зенитный артиллерийский дивизион), где временно замещал комиссара батареи.

Воскресный день, 22 июня. Мы пошли в парк, гуляем. Вдруг к нам подбегает вестовой из части и говорит о том, что началась война и нам нужно срочно вернуться в часть. Отсюда мы и выехали на основные позиции. В Гори стояли недолго. В июле всю воинскую часть погрузили в поезд и повезли в сторону Баку. Не доезжая до Баку, мы стояли несколько дней, переформировывались и затем перешли границу с Ираном. Иран был очень отсталой страной с соответствующими вооруженными силами. Мы прошли по городам Ардабиль, Тавриз, Мияне и вышли к Джульфе. Затем перешли реку Араке, двигаясь в Нахичевань, где пробыли недолго. Здесь 15 сентября меня принимают в партию и делают ответственным секретарем бюро комсомола этого дивизиона.

В октябре 1941 года ночными бросками нас перевозят в Абхазию – опять, казалось бы, не на самую передовую. Но Абхазия была пунктом сосредоточения войсковых частей для прикрытия уязвимых мест. Для прикрытия пехоты перебрасывают сюда наше зенитное подразделение. Затем поднимаемся на Санчерский перевал. Через него шла дорога на Тиберду, к которой рвались немцы. Наши части были брошены

навстречу, чтобы немцы не прорвались в Абхазию. С октября 1941 по апрель 1942 гг. нас перебрасывали вдоль побережья Черного моря в предгорьях.

Так мы оказались в районе Адлера – в Красной Поляне. Затем в Мацесте прикрываем крупнейший виадук, по которому шло движение вдоль Черного моря из Краснодара в Абхазию. Иногда сюда прилетали «хейенкели» бомбить с больших высот (5-6 тысяч метров). Мы были бессильны, правда, их попадания были неважными. Но снаряды рвались, и один осколочек продырявил мне ногу. Это было мое первое ранение. Меня везут в эвакогоспиталь «Белоруссия». Ранение было незначительным. Отлежал я полтора месяца. Выходит приказ: мне присвоено офицерское звание – младший политрук, затем – младший лейтенант.

С августа 1942 года меня переводят на должность ответственного секретаря бюро комсомола 379 горнострелкового полка. Нас перебрасывают по горным тропам вверх на Шабановский перевал. Метут снега, бездорожье, холод – гиблое место. Я попал во вторую роту. Это было страшное зрелище, в каком состоянии оказались люди, – они были оторваны от всего мира. Мне было поручено пройти с группой до Дагомыса. Трое суток мы брели по пояс в снегу, выдохлись. Набрили на какой-то пункт из трех человек, которые были связными. У них была провизия; с ней мы и вернулись.

Ноябрь 1942 года. Немцы вплотную подошли к горам Кавказа, дошли до Моздока. Наш полк перебрасывают пешим ходом в Лазоревку, возле Туапсе, где находился аэродром, затем в Туапсе, где начинаются страшные бомбежки порта. Наши части перемещают немного севернее, и опять они на пути следования немцев.

Немцы овладели Майкопом и устремляются на Туапсе, к нам. Был завален Туапсинский тоннель, чтобы немец не прошел. Немного времени спустя нас перебрасывают на Новороссийско-Таманский плацдарм, где мы двигаемся через Джубгу, Деорановку, Горячий Ключ по горным тропам и перевалам, ведя при этом ожесточенные бои со встречным противником в течение ноября, декабря, января.

Вскоре приказ – перейти в наступление. Видимо, это делалось для того, чтобы немцы не брали отсюда дивизии и не

перебрасывали их к Сталинграду, где шло наступление. Нам обещали: в 4 часа утра начать бомбежку переднего края немецких позиций и артподготовку. Но появилось лишь несколько чкаловских фанерных самолетов, на которые немцы не обратили внимания; пушки также не смогли подтянуть через перевалы. И мы, все пять рот, без подготовки пошли в бой. Немец сразу же положил нас брешущим огнем из пулеметов и минометов. Когда стемнело, был дан приказ отходить. 4200 человек пошло в бой, и 216 остались, остальные были убиты и ранены. После этого боя я получил свою первую награду «За боевые заслуги».

Не получив подкрепления, мы передислоцировались в направлении Краснодара через Крепостную и Новодмитриевскую станицы. Начались ожесточенные бои. Нас сдавали новыми частями с флангов, чтобы лучше держались. И держались мы неплохо, но завшивели здорово, что хуже пули.

9 февраля мне прострелили ногу. Ранение было очень серьезным. На ишаках меня перевозят в Джубгу и затем, 15 февраля, в Мацесту, в госпиталь. Здесь сделали операцию, предлагали отнять ногу. Но все обошлось, и я пошел на поправку, пролежав в госпитале до 15 апреля, а затем сразу был направлен на фронт.

В Мацесте поезд остановился. Был жаркий южный день, но вдруг пошел дождь. Провожавшая нас сестренка сказала: «Это хороший знак. Вы живыми с фронта вернетесь». Что и сбылось.

Через Тбилиси, Баку, Минеральные Воды, Армавир нас перебрасывают в Краснодар. Но возле Кропоткина наш эшелон разбомбили. Мы получили паек и пешком двинулись в Краснодар, из Краснодара в Крымскую станицу шли все: и солдаты, и офицеры. Меня направляют в Георгиевскую станицу, где стоял запасной офицерский полк. С передовой приезжали «покупатели» и говорили, что нуждаются в пулеметчиках, минометчиках. В результате, я оказался в зенитном полку, с которым направился в Крымскую, где шли страшные бои.

Я опять в зенитной части: 1344-й зенитно-артиллерийский полк в 19 дивизии РКГ (резерва главного командования) направлялся туда, где проходили особо важные военные операции. В ходе боев у Крымской я третий раз был ранен – очень тяжелое ранение в живот. Госпиталь – палаточный

городок. К счастью для меня, здесь оказался главный хирург фронта. Через месяц меня перевезли в Краснодар, затем в Кисловодск, где я пролежал до ноября 1944 года, а когда выписался, то был направлен в штаб Южного фронта. Здесь, посмотрев на мое направление, сказали, чтобы я возвращался домой и учил детей.

А.М. Сазанов

«Враг будет разбит, победа будет за нами!»

В конце октября 1940 года я получил повестку в военкомат, где после тщательного медицинского обследования был признан годным на действительную службу в армию. Распрощавшись с родными и друзьями, нас, допризывников, посадили в товарный поезд. Из Арзамаса наш путь лежал в Москву, потом в Вологду. По прибытии к месту назначения, нас, в количестве 20 человек, направили в авиационную часть в Молдавию (под Бендерами). Аэродром и все сооружения были построены румынским правительством. Меня зачислили в школу младших авиационных специалистов, предполагали, что я буду стрелком-радистом. Но, к сожалению, это не могло осуществиться, т.к. я очень тяжело переносил наземные тренировки: почему-то кружилась голова, сердце стучало...

В конце ноября 1940 года меня отчисли из школы и направили в учебную роту связи аэродромного обслуживания.

29 октября я прибыл в 51-й авиаполк. 6 ноября, накануне 23-ей годовщины Великого Октября, принял присягу: «Я клянусь защищать Союз Советских социалистических республик...» Присягу давали на плацу, около штаба полка, где присутствовал весь командный состав полка и школы. Это было впечатляющее и незабываемое событие.

К 1 мая 1941 года я закончил школу радиоспециалистов и стал работать на радиостанции наведения. Обстановка в Молдавии, в предвоенный период, особенно на новых границах СССР-Румынии, была достаточно сложной: частые нарушения государственной границы, в том числе и воздушные. Политсостав нас, солдат, успокаивал, что Вооруженные Силы СССР готовы отразить любую агрессию врага, что заключенный с Германией пакт – есть гарант мирной жизни нашего народа.

Но мирная жизнь прервалась 22 июня 1941 года. На рассвете этого дня румынские и немецкие войска нарушили государственную границу, армада самолетов противника начала бомбить все и вся.

Горечь отступления, потери, понесенные в первые часы и дни войны, нельзя забыть, а ведь нам «вдалбливали», что если мы и будем воевать, то лишь на территории противника.

В первые часы нападения мы понесли огромные потери, как людские, так и материальные: наш 36-й истребительный авиаполк 9 армии, был уничтожен на аэродроме, дежурное звено, поднявшись по тревоге в воздух, было сбито превосходящими силами фашистской авиации. Нельзя забыть ту армаду немецко-румынских самолетов, находившихся в воздухе. Бомбили, бомбили... все наземное. По ходу отступления смешались воинские части: тут были и связисты, и пехотинцы, авиаторы и танкисты. Очень плохим было снабжение войск боеприпасами, горючим, связь с подразделениями совсем никудышной.

Восторженно мы встретили обращение И.В. Сталина 3 июля 1941 года, в котором излагалась программа борьбы с фашистами, особенно вдохновляли его слова: «Враг будет разбит, победа будет за нами!»

В конце июля – начале августа наши войска подходили к Днепру. Мы полагали, что хватит отступать: поступило новое пополнение, получили новую материальную часть, произошло новое переформирование, несколько улучшилась связь с частями.

При отступлении, в районе Днепропетровска, при переправе через Днепр, я «искупался» вместе с радиостанцией, которая «пошла» на дно реки. Выплыл..., но простудился, получил двустороннее воспаление легких и попал в госпиталь...в Воронеж, а потом в Сибирь...

После выздоровления, получил направление в Иркутское училище политсостава. Получил документы, продукты питания на 5 дней («сухой паек») и поехал в Иркутск. И надо же, как говорят: «Беда одна не ходит, она приводит другую». Так со мной и случилось: украли бушлат, остался в одной гимнастерке. Приехав в училище, я вновь заболел воспалением легких. Снова госпиталь, и только к концу декабря меня выписали, но к учебе, по состоянию здоровья, не допустили.

В феврале 1942 года меня направили в роту связи 565 батальона аэродромного обслуживания (БАО). Началась упорная учеба по овладению материальной частью различных типов радиостанций. В 1944 году изучали американскую материальную часть рации РСР-396, начальником которой я

стал в конце 1944 года (должность капитанская, а я же был старшиной, радистом первого класса).

В мае 1945 года авиаполк, который БАО обслуживался, перебазировался в Читинскую область, в район стыка трех границ: СССР – Монголия – Манчжурия (оккупированная Японией), в район станции Борзя. Учебная боевая подготовка дивизии и нашего полка шла чрезвычайно напряженно. Полеты истребителей «Иш-16» и «Як-9» проходили ежедневно, отрабатывались определенные задачи, было件нятно, что наши войска готовятся к войне с Японией. Учебные посты обслуживала моя радиостанция. Мы видели, что в Забайкалье сосредотачиваются воинские силы с западного советско-германского фронта.

Я никогда не забуду день 3 мая 1945 года, когда дежурный радист Александр Инюшев разбудил меня и шепотом, радостно сообщил, что наши войска захватили в Берлине Рейхстаг. Я не удержал свои эмоции, доложил начальнику связи дивизии о полученных сведениях. Началось такое ликование в части, что нельзя было и предположить. Я думал, что меня, как начальника радиостанции, и сержанта Инюшева, за нарушение воинской дисциплины (ибо «уходить» с заданной волны категорически запрещалось), жестоко накажут, но «все пронесло».

Трудно передать ликование солдат и всего командного состава – враг капитулирует, мы выстояли в этой ожесточенной схватке. Хвала и слава воину-победителю!

День Победы мы «отметили» коллективными залпами из всех видов оружия. У нас на востоке это было уже 10 мая. Ликование в частях трудно передать – солдаты и офицеры поздравляли друг друга с победой, никто даже не стыдился слез радости.

Однако, как ясно было то, что мы победили, знали мы и то, что война с Японией неизбежна.

В начале августа получили приказ направляться через Монголию, пустыню Гоби к Великому Хингану. Переход через пустыню был чрезвычайно сложным во всех отношениях: высокая температура, отсутствие дорог, топографические карты устарели, что приводило к дополнительным трудностям (на карте указан колодец, но его не оказывалось). Воды не хватало

для людей, выдавали ее по фляжке на 3 часа, но многие солдаты и командный состав воду не берегли, для того, чтобы как-то облегчить свое состояние, умывались из фляжки питьевой водой. Не хватало воды и для автомашин: радиаторы беспрерывно кипели-парились, подливали воду в радиатор через каждые 5-7 километров. Нашу часть сопровождали – указывали дорогу на низкорослых, но чрезвычайно выносливых лошаденках. За двое суток нам не встретилось ни одного колодца (арыка), хотя на картах они значились, запасы воды иссякали, пришлось ее строго экономить, выдавать через час по глотку.

Перед радиостанцией, на которой я работал, стояла сложная оперативная задача – поддерживать по ходу движения радиосвязь с частями соединения. Подошли к отрогам Хингана, как оказалось и выяснилось позднее, японцы не ожидали нашего продвижения в этом трудно доступном направлении, поэтому оказали слабое сопротивление. Враг отступал, Войска нашего Забайкальского фронта стремительно продвигались вперед.

В войне с Японией на Забайкальском фронте незабываемыми были следующие обстоятельства: во-первых, быстрое продвижение наших наземных войск; во-вторых, нам прокладывали путь-дорожку по Хингану российские танковые части, и не могу забыть замурованного на вершине Хингана танка с надписью (точную формулировку не помню), что этот танк первым преодолел вершину Великого Хингана. В-третьих, преодолев преграды, мы оказались в зоне муссонных проливных дождей: кругом было море воды, что затрудняло продвижение и ведение военных действий. И, тем не менее, в результате недельных боев, наши части продвинулись вперед в Мукденском направлении Манчжурии более чем на 250 километров; вышли на равнину и оказались на подступах г. Молина, а далее перед нами был г. Мукден. Стремительное наступление русских войск японцы сдержать были не в силах. Квантунская армия терпела поражение.

За ратные подвиги при разгроме Японии многие офицеры и солдаты нашей армии были награждены орденами и медалями, в том числе и я получил медаль «За боевые заслуги» и

благодарственное письмо И.В. Сталина за преодоление Великого Хингана.

2 сентября на линкоре «Миссури» состоялось подписание акта о безоговорочной капитуляции Японии. С победой Советского Союза над империалистической Японией закончилась вторая мировая война.

Наша часть была переведена на место постоянной дислокации в город Дайрен (Дальний).

22 сентября 1945 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о демобилизации из Вооруженных Сил сержантов и солдат старших возрастов.

25 декабря 1945 года я был уволен в запас, в первую очередь, как учитель. Из Дайрена на пароходе плыл до Владивостока, затем добирался товарным поездом.

Демобилизованным выдали по пять тысяч рублей, часть из этих денег мы обменяли на китайские юани (1:10), на которые купили различную одежду, матерям – китайский шелк, ботинки и другие вещи. По железной дороге ехали очень долго, на больших станциях солдат кормили обедами, продавали по низким ценам хлеб, галеты, консервы. Кроме того, в рюкзаках у нас имелся еще и сухой паек, выданный в дорогу.

28 января 1946 года я наконец-то вернулся в родную сторонушку...

Б.А. Голованов

«Бои были тяжелые...»

В 1941 году окончил Горьковский авиационный техникум. Началась война, и нас отправили работать на авиационный завод № 21 им. Орджоникидзе. Этот завод выпускал истребители. Там была броня, т.е. на фронт нас не брали. Но я с группой ребят добровольно ушел в армию в артиллерийское училище. Это было в январе 1942 года.

В связи с трудной военной обстановкой училище по приказу Сталина было расформировано, и нас, курсантов, в сентябре 1942 г. отправили рядовыми в 21 Гвардейскую стрелковую дивизию. После боев эта дивизия тогда пополнялась под Москвой, и в ноябре 1942 г. в ее составе я попал на Калининский фронт.

Бои были тяжелые. Все было для нас необычно, страшно. Но фронтовая обстановка вспоминается не столько страхом, опасностью (это было), сколько тяжелым солдатским трудом. Приходилось с марша занимать оборону, а это значит копать окопы для орудий.

Вспоминаются непролазная грязь дорог, страшные морозы, когда целыми неделями мы, солдаты, даже не заходили в помещения, т.к. все кругом было разрушено. Морозные ночи приходилось коротать в лесу у костра.

Особенно опасно было нам, артиллеристам, прямой наводкой отражать танковые атаки на прямой местности. В одной из таких атак очень удачно вел прицельный огонь мой товарищ-наводчик артиллерийского орудия Виктор Грачев.

Однажды во время наступательной операции оборвалась связь с дивизионом «Катюш». Мне было приказано восстановить эту связь. Пришлось бежать с проводом в руках и катушкой кабеля на спине по открытой местности под огнем. Мне удалось восстановить порванную в нескольких местах линию связи, за что я и был представлен к ордену Красной Звезды.

Свое первое ранение и контузию я получил в марте 1943 года. Наблюдательный пункт командира полка, где я находился как телефонист, немцы бомбили с самолетов. Одна из бомб

разорвалась недалеко, и все, кто находился в окопе, были засыпаны землей. В том числе и я. Когда меня откопали, то оказалось, что я ранен в челюсть осколком и контужен. До июня лежал в госпитале, некоторое время ничего не слышал. Потом слух восстановился. После этого лечения я вернулся в свою часть, в свою батарею.

Очень тяжелый бой был под Великими Луками при взятии так называемых Птахинских высот. Это было летом 1943 года. Немцы укрепились на этих высотах и господствовали над всей окружающей местностью. Нам нельзя было высунуть голову из окопа – тут же начинался обстрел. Любое движение наших войск немцам было видно и пресекалось. Ночью части 21 и 28 дивизий повели бой за овладение этими высотами. Наша батарея поддерживала наступающих огнем. Ребятам пехотинцам удалось бы бить немцев из этих укреплений. Но утром и в течение всего последующего дня гитлеровцы с остервенением пытались вернуть себе потерянные укрепления. Нам пришлось выдержать несколько атак, в том числе и танковых, но высоту мы не отдали.

Был и другой случай. Это бой при освобождении Невеля (близ г. Великие Луки), где мне пришлось участвовать в уличных боях. Немцы были выбиты из города сравнительно быстро, и город достался нам почти невредимым. Но мы не смогли отогнать немцев далеко от города. Они укрепились километрах в пяти от него и обстрелами разрушили много зданий, нанеся городу большой урон.

В этом и ряде других боев немцы вели себя довольно упорно и коварно. Приходилось каждый метр земли брать у них с боем. Но именно в боях ребята, неопытные солдаты, набирались умения воевать, становились более настойчивыми, храбрыми. Огромные трудности нелегкой солдатской жизни все переживали, не ропща, не жалуясь. Понимали, что перед нами стоит задача непременно очистить свою Родину от ненавистного врага.

В ноябре 1943 года уже на втором Прибалтийском фронте под Витебском меня тяжело ранило в левую руку. После лечения в госпитале инвалидом войны я вернулся домой.

И.А. Ерофеев

«Нам дороги эти, позабыть нельзя»

Первого октября 1941 г., после окончания первого курса, с сокурсниками Алексеем Беляковым, Николаем Беспаловым и другими арзамасскими комсомольцами откликнулись на сентябрьский призыв ЦК ВЛКСМ встать на защиту г. Москвы. Добровольцами ушли в Красную Армию и были направлены в г. Саранск в запасной лыжный полк, готовивший лыжные батальоны для фронта. В середине ноября 1941 г. был уже на фронте под Москвой в составе 23-го лыжного батальона.

Первая встреча с немцами и короткий бой произошли в конце ноября 1941 г. под г. Наро-Фоминском. Наш 23-й лыжный батальон был включен в состав 33-й армии, воевавшей в районе г. Наро-Фоминска под командованием генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова.

Наш взвод лыжников был направлен в разведку с задачей: выяснить, где в настоящий момент находятся немецкие военные части, их состав. Шли лесом на лыжах. Пройдя километров семь, на выходе из леса, мы немало были удивлены, что в одном из домов небольшого поселка окна были ярко освещены, т.е. была нарушена светомаскировка. Командир взвода направил четырех бойцов выяснить причину нарушения светомаскировки. В эту группу входил и я.

До дома было метров 150. Мы тихо подошли к нему. Под окнами были сложены в поленницу дрова, около ворот – сметан небольшой стожок сена, а у крыльца находился колодец. Подойдя к дому, мы решили заглянуть в окно, но ничего не увидели, т.к. окна были заморожены. Тогда решили, что один пойдет в дом, а трое останутся на улице и на всякий случай приготовятся к любой неожиданности. Один из нас встал за угол у крыльца, другой за колодцем, я – за поленницей дров. Четвертый вззошел по ступеням на крыльцо: дверь была не заперта, он вошел в сени и начал ощупью искать дверь в комнату. Найдя и открыв ее, он увидел четверых немецких солдат, сидевших за столом и игравших в карты. Немцы опешили. Наш боец, захлопнув дверь, выбежал на крыльцо и закричал: «Немцы!» Придя в себя, два немецких солдата бросились за ним и начали беспорядочную стрельбу в темноту

ночи. Боец, стоявший за углом дома, метнул на крыльцо гранату, после взрыва которой все стихло. Вскоре мы слышали стон и выкрики немецких солдат: «Гитлер капут!» Из четырех немецких солдат один был убит, один ранен и двое взяты в плен. Как потом выяснилось, это была немецкая разведка. За этот бой нам была объявлена благодарность.

Так мы впервые увидели немцев и по их моральному облику, после их пленения, сделали для себя вывод, что немцев можно бить и побеждать.

Что я испытывал при виде врага? Когда я видел врага в бою, я испытывал жажду охотника, хотелось убить его, ибо он пришел на нашу землю с целью покорения моей Родины, превращения нашего народа в рабочую силу для немцев. Когда же я встречался с пленными немцами, когда они говорили: «Гитлер капут», – возникало отвращение, брезгливость.

Затем было несколько боев в окрестностях г. Наро-Фоминска, а потом оборона не занятой немцами части города Наро-Фоминска. На одной стороне реки Нара, разделяющей город надвое, были наши части, на другой – немецкие. Часто возникали перестрелки, особенно в дневное время. Попытки овладеть городом полностью враг не предпринимал.

К этому времени с 5 декабря 1941 г. на Западном фронте началось контрнаступление Красной Армии. Готовилась к контрнаступлению и 33 армия. Прибывали подкрепления, новые части, техника, воинские подразделения заменялись новыми. Наш 23-й лыжный батальон был заменен стрелковым батальоном, а нам была поставлена новая задача: обойти город Наро-Фоминск, проникнуть в тыл противника и разрушить на одном из железнодорожных переездов железную дорогу, не допустив доставку боеприпасов и вооружений оккупирующим город немецким частям.

В ночь на 23 декабря 1941 г. мы подошли к этому переезду, но были обнаружены немцами, которые открыли по нашему батальону массированный оружейный и минометный огонь. Завязался ожесточенный бой, в котором я был ранен осколком разорвавшейся гранаты. Несмотря на значительные потери, батальон задачу выполнил, переезд был разрушен, движение поездов прекратилось. Я был отправлен в госпиталь

города Подольска, а затем переправлен в госпиталь на станции Быково.

Поражение немцев под Москвой мы восприняли как первую победу, одержанную Красной Армией и всем народом, который сплотила наша Коммунистическая партия, встретили с восторгом, ибо в этой победе был и наш боевой труд.

После излечения, 28 января 1942 г., я был выписан и направлен в батальон выздоравливающих в Кунцево, а потом в составе маршевой роты прибыл в 579 Краснознаменный стрелковый полк для прохождения дальнейшей службы. Полк вел бои на Братском направлении, за городом Можайском и Бородинским полем. Задачей полка была ликвидация опорных пунктов (дотов и дзотов, блиндажей), построенных немецкими войсками вдоль шоссе Московской-Минск-Варшава. 18 февраля 1942 г. при осаде одного из дотов я был ранен в голову, но поле боя не покинул. Через некоторое время, к вечеру, осколком разорвавшейся мины, получил еще ранение в ногу. Был эвакуирован с поля боя и направлен в госпиталь города Подольска, затем Москвы, а потом отправлен из Москвы дальше в тыл и 23 февраля, в день Красной Армии, оказался в Арзамасе. Находился на излечении в госпитале, размещавшемся в школе № 1. Здесь меня навещали родители, однокурсники из института, а комиссар госпиталя – бывший наш декан исторического факультета, призванный в армию, Лебедев Роман Алексеевич – разрешил на три дня отпуск домой к родителям.

После выписки в конце марта 1942 г. я побывал дома, встретился со своими друзьями-одногодками (они еще не были призваны в армию и продолжали работать в колхозе). Очень много пришлось им о ходе боев ответить на множество вопросов.

Вместе с группой красноармейцев, выписавшихся из госпиталя, я был отправлен в Гороховецкий военный лагерь, из которого через неделю в составе небольшой группы был направлен на пополнение сформировавшегося под Москвой 7-го танкового корпуса. Здесь меня определили в разведку 62-й танковой бригады.

В это время завершалось формирование корпуса под г. Калинином. Впервые 7-й танковый корпус под командованием

полковника П.А. Ротмистрова вступил в сражение с немецко-фашистскими захватчиками в июле 1942 г. под Воронежем. Он принимал участие в отражении попыток крупных сил противника прорваться на Елец и Воронеж, а затем сам нанес несколько мощных ударов по врагу. В итоге полуторамесячных боев корпус во взаимодействии с войсками 5-й танковой и 38-й армией нанес поражение ударным группировкам армейской группы «Вейхс», которые двигались к Дону севернее Воронежа, стремясь захватить плацдармы на его левом берегу и выйти на рубеж городов Задонск и Елец. Враг, скованный затяжными боями в этом районе, не смог усилить свои войска, действующие на Сталинградском направлении, ставшим для немцев во второй половине июля 1942 г. решающим в летней кампании.

В этих ожесточенных боях под Воронежем активное участие принимали и разведчики. Мне поручили командовать бронетранспортером, в экипаже которого было четыре человека. Часто в составе разведывательных танковых групп приходилось не только добывать необходимые разведданные, но и вести жестокие бои с немецкими автоматчиками и пулеметчиками.

6 августа 1942 г. меня приняли кандидатом в члены ВКП(б). Это было своего рода признание добросовестного выполнения заданий и приказов командования бригады.

В конце августа наш танковый корпус перебросили под Сталинград. В это время обстановка в районе Сталинграда резко осложнилась. Противник вышел к внутреннему оборонительному обводу, а 23 августа прорвался к Волге, севернее города, в районе поселка Рынок. В составе 1-й гвардейской армии под командованием генерала Москаленко, корпус с ходу перешел в наступление северо-западнее Сталинграда, нанося удары по левому флангу главной группировки немецких войск под командованием генерала Паулюса.

В этих боях разведчикам пришлось решать поставленные задачи пешком, ползком и преимущественно в ночное время. Кругом обширная степь: ни деревьев, ни кустарников, укрываться воинским частям можно было только в балках (оврагах). Разведчикам ставились задачи: перед наступлением

выявлять огневые точки врага, для чего надо было подбираться к немецкой обороне вплотную и вести тщательное наблюдение. Кроме этого, необходимо было после каждой танковой атаки проводить тщательные поиски танкистов, которых невозможно эвакуировать с поля боя днем. Выносили их ночью в расположение своей части и отправляли в госпиталь. В ходе ожесточенных сражений под Сталинградом с особой силой проявились массовый героизм воинов и мужество их командиров. Огромную роль в боях сыграл личный пример коммунистов и комсомольцев, которые часто жертвовали собой ради победы.

4 октября 1942 г. по распоряжению Ставки корпус был выведен из боев в район г. Саратова. В результате успешного контрнаступления 19 ноября 1942 г. войск Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов основная группировка немецких войск, действовавшая на Сталинградском направлении, 23 ноября оказалась окруженной. В начале декабря 1942 г. 7-й танковый корпус был срочно переброшен по железной дороге снова под Сталинград.

Еще в конце ноября гитлеровское командование поставило задачу деблокировать окруженную 6-ю армию Паулюса. Для ее выполнения в районе Тормосина была собрана крупная группировка немецких войск. Одновременно шло сражение более крупных вражеских сил в районе Котельниково. В начале декабря немецкие войска из района Тормосина начали наступление, овладели хутором Рычковский и форсировали Дон, захватив плацдарм на его левом берегу. Для ликвидации этого плацдарма в этот район была переброшена 5-я ударная армия, в состав которой вошел прибывший наш танковый корпус. В ночь на 13 декабря была назначена ликвидация этого плацдарма. Разведчики были десантированы на танки и без артподготовки начали атаку. Противник, застигнутый врасплох, стал поспешно отходить с плацдарма на хутор Рычковский. К утру 13 декабря плацдарм был ликвидирован, а хутор Рычковский полностью очищен от врага.

На Котельниковском направлении также шли ожесточенные бои. Командующий группой армий «Дон», немецкий генерал Манштейн, решил деблокировать 6-ю армию

Паулюса одной группой «Грот», наступать вдоль железной дороги Котельниково-Сталинград и пробиться к 6-й армии. К 19 декабря эта группа войск вышла к реке Мышкова, до Сталинграда осталось 40 км. Наш 7-й танковый корпус из 5-й ударной армии был передан в состав 2-й гвардейской армии генерала Малиновского, которая выступила против войск Манштейна.

К исходу 23 декабря наступление немецких войск группы «Гот» захлебнулось. Деблокировка 6-й армии Паулюса не состоялась. Через два дня войска 2-й гвардейской армии перешли в решительное наступление. Участвуя в этих боях, 7-й танковый корпус освободил Клыков, Генераловский, Верхне-Яблочный. К 27 декабря 1942 г. корпус подошел непосредственно к Котельникову, начались ожесточенные бои, завершившиеся к утру 29 декабря. Город Котельников был очищен от немцев. В этих боях участвовали и разведчики: засекали огневые точки, следили за передвижением войск противника. В ночь на 29 декабря в составе группы разведчиков я участвовал в поиске бродов на реке Аксай с обрывистыми берегами, за ночь мы нашли три брода, через которые утром 29 декабря в Котельниково ворвались наши танки.

Приказом Верховного Главнокомандования от 29 декабря 1942г. 7-й танковый корпус был преобразован в 3-й гвардейский и получил почетное наименование Котельниковского. Наша 62-я танковая бригада стала 18-й гвардейской бригадой, другие части корпуса были также переименованы в гвардейские. Командиру корпуса было присвоено звание генерал-лейтенанта танковых войск и орден Суворова II степени. 3-й Гвардейский танковый корпус начал наступление в западном направлении на Ростов, что заставило немецкие войска на Северном Кавказе отступать, чтобы не попасть в окружение. В этих боях мне приходилось быть в глубокой разведке, по линии фронта освобождали Большую и Малую Орловку, хутора Сухой, Веселый, Верхне-Соленый. Основные силы нашего Танкового корпуса должны были нанести удар из района Большой Орловки в направлении станции Буденовская, Пролетарская и отрезать пути отхода немцев за Маныч. В одном из разведывательных рейдов десантом на двух танках из Большой Орловки на станцию Буденовскую из 16 разведчиков вернулось

только двое – я и Сергей Павлов, остальные были захвачены немцами в плен.

Ночью 19 января 1943 года сборный отряд из танков трех танковых бригад двинулся на г. Батайск. Утром 20 января отряд достиг Батайского аэродрома – это на 80 км в тылу противника. Мы – разведчики – десантом ехали на танках. Завладеть городом Батайском у нашей группы не хватило сил, но было уничтожено большое количество самолетов, расстреляны ангары и взято более сотни немецких солдат и офицеров.

3 марта 1943 г. личный состав 3-го Гвардейского Котельниковского танкового корпуса проводил своего командира корпуса. Генерал-лейтенант танковых войск П.А. Ротмистров директивой Ставки был назначен командующим создаваемой на базе 3-го гвардейского Котельниковского корпуса 5-й гвардейской армии. Командиром 3-го гвардейского Котельниковского корпуса был назначен генерал-майор танковых войск И.А. Вовченко.

6 марта 1943 г. 3-й Гвардейский Котельниковский танковый корпус убыл из состава 5 Гвардии армии на фронт, под Белгород. Весной 1943 г. здесь развернулись ожесточенные бои под станицами Борисовка, Татаровка, Становой, Сейригуны. К 22 марта наступление немецких войск было остановлено. Попытки немецких войск окружить войска 40-й армии, в которую входил и наш танковый корпус, в районе города Белгорода и развить наступление на Курск с юга были сорваны. Немецкое командование хотело назвать это окружение «Немецким Сталинградом».

24 апреля (в Ленинские дни) я был принят в члены Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи (комсомол). После весенних боев, находясь на формировании корпуса в Воронежской области, я серьезно заболел и попал в госпиталь, после излечения в свою часть я не вернулся, т.к. она была уже на фронте. Я был направлен в учебный танковый полк осваивать новую специальность механика-водителя. Завершив учебу и получив права, был направлен в самоходно-артиллерийский полк, где получил боевую машину. Начали готовиться к предстоящим боям.

В январе 1944 года отбыли в Белоруссию и поступили в резерв Первого Белорусского фронта. Участвовал в боях по

освобождению Белоруссии: городов Борисов, Минск, других населенных пунктов.

После освобождения Белоруссии полк пересек границу Польши, где продолжались бои с немецкими захватчиками. Их гнали дальше на запад. 16 января 1945 г. переправились через реку Вислу, 20 января участвовали в бою за очищение города Лодзь от немцев, 2 февраля 1945 г. вели бои с немцами, вырвавшимися из цитадели города Познань. В бою самоходка была подбита попавшим в ходовую часть «фаустпатроном», после ремонта продолжали путь на запад. Вечером 3 февраля пересекли границу Польши с Германией, повседневно подвергаясь бомбардировкам немецкой авиации. 4 февраля достигли города Дроссека, где продолжили ремонт самоходки. 9 февраля выехали на переправу через реку Одер. 12 февраля под артиллерийским огнем и бомбежкой немецкой авиации форсировали р. Одер и заняли плацдарм в районе небольшого городка Рейтвейн. В течение двух месяцев вели бои так называемого местного значения – следовало расширить плацдарм, который находился между городами Кюстрин и Франкфурт-на-Одере. Бои были кровопролитные: только в моей самоходке погибли два экипажа – два командира машины, двое наводчиков и двое заряжающих. Их похоронили в г. Рейтвейн.

Значительные потери были и в других экипажах. Состав батарей, самоходных установок полка постоянно обновлялся. 8-я гвардейская армия под командованием генерала Чуйкова, в составе которой воевал наш самоходно-артиллерийский полк, наращивал силы на нашем плацдарме, готовясь к решительному наступлению на Берлин – столицу фашистской Германии. И время этого наступления приближалось.

14 апреля 1945 г. наш полк в полном составе с приданными пехотными подразделениями начал разведку боем. Мы должны были взять деревню Закольдорф и выйти к Зееловским высотам, овладев которыми мы вышли бы на автостраду Кюстрин – Берлин. Враг ожесточенно сопротивлялся, и эта задача не была выполнена, однако командование армии, ведя наблюдение за боем с воздушного шара, засекло огневые позиции немецких войск.

16 апреля 1945 г. это наступление началось. Еще до рассвета авиация и артиллерия нашего I Белорусского фронта

обрушила свои удары на оборону врага. В это время мощные лучи прожекторов, направленные на противника, ослепили его. Наши самоходки пошли в атаку с включенными фарами. Овладев еще до рассвета деревней Куненсдорф, наш полк вышел к Зееловским высотам. Этот естественный рубеж господствовал над всей окружающей местностью, имел крутые склоны и являлся во всех отношениях серьезной преградой на подступах к Берлину. За овладение Зееловскими высотами разгорелись ожесточенные бои. И только 20 апреля мы смогли выйти на Зееловские высоты и завязать бой за станцию железной дороги Зеелов. В боях погибли мои друзья по экипажу: командир машины, наводчик и заряжающий.

После взятия станции Зеелов наш полк начал свое движение на Берлин. На всем пути вместе с другими частями постоянно приходилось вести бои с противником. 23 апреля 1945 г. наш полк вступил в пригород Берлина, начались уличные бои. 24 апреля я был легко ранен в правую руку, но в госпиталь отказался поехать, продолжая сражаться. Очищая Берлин от противника, я получил приказ отправиться на блокировку входа в станцию берлинского метро, где скрывались немецкие солдаты и офицеры. Немцы с большим упорством защищали его, используя стрелковое оружие и фаустпатроны. По моей машине было выпущено четыре «фауста». Однако мне, механику-водителю, не было видно их разрывов справа, слева и сзади. И я увидел взрыв четвертого, попавшего в 45-миллиметровое орудие, стоявшее впереди моей машины и разнесенного на части. Мне стала ясна угроза прямого попадания, я дал задний ход, а командир стал корректировать отход от опасного места, продолжая вести огонь.

Штурм станции метро продолжался и в последующие дни прибывшими сюда танками, авиацией, которая кроме авиабомб сбрасывала на здание станции бочки с горящим бензином. Лишь 29 апреля 1945 г. гарнизон станции капитулировал.

30 апреля я вынужден был отдать машину другому механику-водителю, так как раненая рука опухла и пришлось идти в медсанчасть полка, где мне сделали операцию.

Праздник 1 Мая праздновали отменно. А 2 мая Берлин капитулировал. Мы праздновали Победу, к которой шли почти четыре года. До 7 мая были в центре Берлина, в парке

Тиргартен у Бранденбургских ворот, у Рейхстага, где я оставил свою роспись.

Но бои с немцами еще продолжались. Наш полк был выведен из центра Берлина на южную его окраину для охраны ведущего в Берлин шоссе, по которому блуждающие немецкие части могли войти в город и снова попытаться его захватить.

9 мая рано утром, еще до рассвета, была объявлена тревога, самоходчики заняли свои места для ведения боя с противником. Но через несколько минут был дан сигнал отбоя. Нам сообщили, что гитлеровская Германия подписала акт безоговорочной капитуляции.

Нет тех слов, которыми можно было бы выразить состояние бойцов, оставшихся в живых. У всех на лицах были слезы радости, счастья. Праздновали нашу долгожданную Победу отменно. Для этого наши интенданты позаботились заранее. Пили и крепкие напитки, свои и трофейные, разбавленные слезами. Плясали, пели песни и ждали – скоро поедem на Родину.

11 мая полку был дан приказ перебазироваться в Саксонию, на юг от Берлина. Путь следования с различными остановками продолжался до 15 мая. В этот день мы прибыли в г. Зибенлен, в котором находились до 18 августа 1945 г. Этот небольшой, не разрушенный войной городок, расположен на автострате Дрезден – Хеленгенцгордон.

18 августа 1945 г. был получен приказ – выехать на Родину. 20 августа мы переехали немецко-польскую границу. Проезжали города Лодзь, который освобождали, Радон, Дяшбрих, а 31 августа 1945 г. пересекли польско-советскую границу.

С 31 августа по 6 сентября стояли в тупике станции Брест. Очевидно, уточнялось место нашего базирования на Родине. Потом начали движение дальше. В дороге я ослаб и похудел. 22 сентября прибыли в город Шадово Литовской союзной республики. В этом городе находился до 23 ноября 1945 года. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября меня демобилизовали из Красной Армии и направили в запас.

А.И. Миркин

«Война нелепа и бессмысленна»

Будучи младшим политруком (это звание мне было присвоено перед войной), в конце июля я вступил в ополчение, но вскоре был отозван на курсы политруков. На этих курсах мы не столько занимались теорией политработы, сколько с винтовкой в руках принимали участие в боях на дальних подступах к Ленинграду в районе Луги. Полк политруков, оборонявший Лужский рубеж, по крайней мере в течение 10 дней, не пропустил мимо себя, через оборонительный рубеж, ни одного фашиста.

Печальный случай произошел, когда мы отходили от Луги в Ленинград. Когда была выслана разведка для выяснения обстановки по пути нашего следования, разведчики донесли, что все спокойно. Однако, когда мы вошли в лесок, который предстояло пройти, нас встретил шквальный огонь противника. Придя в себя, мы нашли в себе силы и, отыскав «кукушек» (так называли снайперов или солдат, сидевших на деревьях), всех их расстреляли. Но мы потеряли около двадцати бойцов убитыми, и столько же было ранено. Захватив «печальный груз», мы двинулись в Ленинград.

Не успели мы с дороги почистить сапоги и отряхнуть пыль с шинелей, как раздалась команда: «В ружье!» И нас повели на гарнизонное стрельбище на ул. Марата, где всех выстроили по команде «смирно» и приказали слушать приговор военного трибунала. Командир разведотряда, посланного в лес, был приговорен к расстрелу. Это потрясло нас не меньше, чем бой в окопах с фашистами, которые шли на нас в атаку, стреляли из танков и из всех видов оружия... Осмысливая спустя многие годы этот факт, я понимаю, что политрук, возглавивший разведотряд, не был достаточно искушен в военном деле, а потому фактически стал виновником гибели многих наших бойцов. Это стало для нас тяжелым, но поучительным уроком. Мы все поняли, что война – суровая действительность и любая твоя ошибка может повлечь за собой смерть твоих товарищей.

Война нелепа и бессмысленна. И смерть на войне может быть столь же нелепой и бессмысленной.

Мне вспоминается один из таких случаев. 2 октября 1941 г., в день, когда я повел свою роту в атаку и был ранен, подползает ко мне боец Шадрин, немолодой уже человек, жестоко страдавший от голода, поскольку в этом возрасте человек уже привыкает к регулярному питанию, а мы почти 4 дня не получали продуктов. «Товарищ политрук, – говорит, он – я голоден». Уговариваю его: «Потерпи, Шадрин». Через некоторое время он подползает ко мне и сует кусок сухаря, а сам пытается сжевать другой. Но пересохший рот не справляется, и он вынужден приподняться, чтобы поглубже вдохнуть и... разрывная пуля разворачивает ему весь затылок. Страшно и глупо, но такова война! В этот же самый день я был тяжело ранен и кое-как добрался до своих позиций. Мне даже позавидовали, сказав, что я лишь ранен. Семь месяцев я провел в госпиталях Ленинграда и Перми. Пережил в ленинградских госпиталях самые трудные месяцы блокады 1941-1942 гг.

После лечения мне дали краткосрочный отпуск. Мысль о моих родителях не покидала меня, я не знал, живы ли они. Но благодаря доброте, взаимопомощи людей я нашел их в Сталинградской области в селе Нижняя Добриеска.

В июле 1942 г. я ушел комиссаром истребительного батальона в Сталинград. Мне довелось воевать в самом Сталинграде. Мы находились под самым артобстрелом и под частыми авианалетами. Многие гибли не от пуль и осколков снарядов, а от кирпичей и листов, падающих на нас сверху. Уличные бои Сталинграда запомнятся их участникам на всю жизнь. Шла ожесточенная борьба за каждую улицу, за каждый дом, этаж...

Вспоминается одно село в Сумской области, где по окраинам села были два колодца, доверху заполненные трупами детей. Сверху лежали три женщины с отрезанными молочными железами. На это было ужасно смотреть, в нас пробуждалась злость, ненависть к фашистским захватчикам».

В феврале 1943 г. я был отозван из Сталинграда Главным Политическим Управлением Красной Армии и назначен агитатором политотдела 70-й механизированной бригады 9-го механического корпуса 3-й гвардейской танковой армии.

Всегда находился на передовой линии огня вместе со своими боевыми товарищами. Форсировал Днепр в районе Брукнинского плацдарма в сентябре 1943 г.; участвовал в ожесточенных рукопашных схватках в городе Коростылеве Житомирской области, под городом Хмельник Винницкой области, в боях за освобождение Житомира, Проскурова, Тернополя, Львова, форсировал реки Сон и Вислу.

Вспоминаются тяжелые бои в декабре 1943 г. под Житомиром. В боях за этот город я потерял многих своих друзей, таких как капитан Белецкий, старший лейтенант Каменщиков...

В 1944 году я принимал активное участие в боях на Сандамирском плацдарме, в освобождении города Ченетаков в Польше. Будучи агитатором 3-й гвардейской танковой армии, с самого начала 1944 г. постоянно находился на переднем крае боев и участвовал в отражении неоднократных атак противника.

Не забыть и штурм Берлина, и марш-броска советских танкистов из Берлина на Прагу. Ступив ногой на германскую землю, нам пришлось сдерживать свой пыл. В 20-х числах апреля 1945 г., форсировав реку Шпрея, вступили в г. Берлин. Уличные бои продолжались около 10 дней. Мне приходилось быть всегда в передних рядах бойцов. Шли очень тяжелые бои, но 1 мая я был уже у Рейхстага, где фотографировали.

2 мая нашей армии 1-го Украинского фронта было приказано двинуться на Прагу, столицу Чехословакии. По пути завязались тяжелые бои в районе Дрездена. В этих боях нам приходилось стрелять во врага почти в упор. Немцы зверствовали, прямо у нас на глазах минировали дороги, дрались за каждый клочок земли...

Однажды рано утром мы увидели, что по параллельным дорогам навстречу нам идут огромные колонны немцев. Среди солдат были женщины и дети, очевидно, жены и дети их, которых они забрали с собой из Праги. К сожалению, эсэсовцы открыли огонь. Оказалось, что они не щадили не только наши семьи, но и свои. Мы вынуждены были открыть ответный огонь. Это был последний боевой эпизод, в котором я участвовал. Вскоре, 9 мая, мы вступили в Прагу, где я и встретил День Победы.

А.М. Френкель

«Нет, врешь! Выживу!»

Начало Великой Отечественной войны застало меня студентом Астраханского пединститута. Надо сказать, что угроза нападения Германии на СССР чувствовалась всеми советскими гражданами уже с 1939 года, когда началась Вторая мировая война. В те далекие годы мы, студенты, как и все, понимали опасность фашистской Германии, которая оккупировала многие страны Европы. В институте активно велась военно-спортивная работа, студенты были членами ОСОАВИАХИМ – общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР). Многие из нас готовились стать в школе инструкторами ПВХО, ГТО, ПСО – такие были значки. А значкистами были практически все студенты. Актив совета ОСОАВИАХИМ института проводил большую оборонно-массовую работу в школах города и области. Команда ПВО, которую мне удалось возглавлять, заняла первое место в области. Функционировал и стрелковый клуб. Большинство из нас были членами этого клуба, сдавали нормы на значок «Ворошиловский стрелок» – и такой был значок. В общем, все мы со студенческой скамьи готовились к защите Родины.

В первые дни войны мы, в большинстве, подали заявления с просьбой отправить нас на фронт, – ведь мы были к этому достаточно подготовлены. Но мне и ряду других товарищей не удалось сразу встать в ряды Советской Армии. Дело в том, что наша команда ПВО стала городской. Пришлось готовить себе замену. Работы комсомольцам все прибавлялось. Однако мы учились в силу своих максимальных возможностей. У меня, например, не было четверок, только пятерки... И работали, выполняли общественную работу. Я уже не говорю о службе в военизированной команде ПВО. Очень скоро в Астрахани появились раненые – печальные вестники войны. И в каждом госпитале, в каждой палате появились преданные и заботливые помощники врачей и медсестер. Это были воспитанники школ, комсомольцы и пионеры. Ими руководили студенты нашего института. Ребята помогали мыть полы, окна, приносили цветы, вышитые салфетки, читали раненым газеты, книги, писали письма их родным. Раненые с интересом читали

стенные газеты, выпускаемые их шефами, слушали концерты художественной самодеятельности. Позднее я на себе почувствовал, какую роль играет такая забота.

А пока старался больше работать. Был секретарем комитета ВЛКСМ, членом бюро райкома комсомола, потом даже не освобожденным секретарем райкома комсомола по военным вопросам.

В конце концов, я все же добился того, что меня взяли в армию. Было это в июне 1942 года. После того, как я попал в армию, меня зачислили в роту КВУ (кандидатов в военное училища). Затем я попал в Астрахани на курсы Киевского высшего военного училища, реорганизованные в высшие партийные курсы, и проучился там четыре месяца, после чего был выпущен в звании младшего лейтенанта и в начале 1943 года направлен в действующую армию. Служил комсоргом 483-го минометного полка резерва Главного командования на Южном фронте. Первое мое боевое задание было таким: бойцам одного минометного расчета было поручено уничтожить штаб противника, который находился за большой, высокой стеной, а мне было поручено руководить ими. Ночью мы с минометом пробрались к этому штабу и с рассветом уничтожили его. За это я был награжден орденом Красной Звезды.

А вообще-то, трудно выделить какой-то один эпизод. Много страданий довелось видеть, много слез. Я и теперь, когда прошло столько лет, не могу спокойно смотреть фильмы о войне. И ведь все было наяву: и разрушенные, сожженные деревни, и взорванные заводы и мосты, и горящие поля.

Война шла вовсю. Война тяжелая, жестокая. Помню, вошли мы как-то в деревню Синюю около Ростова. Кругом – сожженные дома, виселицы, расстрелянные люди, валяющиеся на земле... Во всей деревне оказался лишь один живой человек, мальчик Толя Бердник, который стал сыном нашего полка. Он у нас выполнял обязанности почтальона и во многом помогал мне.

Видя зверства фашистов, ни я, ни мои товарищи не испытывали к врагам никакой жалости.

В то время шли тяжелые бои, в которых мне недолго пришлось участвовать. В одном из боев на реке Миусс 14 июля

1943 года я был тяжело ранен в ногу, грудь, а также контужен. Почти год провел на больничной койке. На многих видах санитарного транспорта везли меня в лежачем положении до госпиталя в городе Кировобад в Азербайджане. В это время со мной произошло два интересных, чуть-чуть курьезных случая. Первый случай такой. Когда я был ранен, то один осколок попал мне в грудь, а вытаскивать его пришлось уже со спины. Надо сказать, что очень плохо было с медикаментами, с наркозом. У меня решили извлекать осколок без наркоза. Приходит ко мне врач-хирург и говорит: «Слушай, Френкель, если только ты ни разу не крикнешь во время операции – ставлю тебе четверть вина!» Ну, сами понимаете, в Азербайджане вино как вода. Когда я уже лег на операционный стол, медсестра мне посочувствовала: «Возьмите мою руку и жмите, чтобы не крикнуть». Я не крикнул ни разу. Но на другой день медсестра показала мне свою опухшую руку – так я сжимал ее... Четверть вина я все же получил и отдал его моей заботливой медсестре.

А еще раньше в медсанбате, когда я был ранен, то потерял сознание. В себя я пришел, когда у меня вытаскивали осколок из ноги. Очнулся я при таких словах: один врач другому говорит: «Ну, этот лейтенантик вряд ли выдержит. Большая уж очень у него рана, разворочено...» Тут я первый раз в жизни крепко выругался и говорю: «Нет, врешь! Выживу!»

А вообще надо сказать, что замечательным было отношение в Кировабаде к нам, раненым. Думаю, что чувство дружбы народов – одна из причин победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Война глазами ветерана

От автора

Я принадлежу к той несчастливой части нашего поколения, поколения 30-40-х, по которой прокатилось красно-коричневое колесо. Вернее, два колеса: красное (сталинские репрессии) и коричневое (война с фашистами). Которое из них более тяжкое и жестокое – сказать трудно. Для таких, как я, пожалуй, первое. Счастлив тот, кого миновала эта чаша; кто не знал, не испытывал, что такое НКВД и каково быть членом семьи «врага народа». Я это испытал: проехало это колесо по мне, оставив в душе, наряду с многим другим, и какую-то закомплексованность, которая мешала жить и от которой и поныне трудно освободиться.

Пишу я об этом потому, что она отразилась и на моей военной судьбе. Меня унижало и оскорбляло уже то, что в армию меня не взяли ни во время очередного призыва в 1940 году, ни в начале войны (а я еще мальчишкой мечтал быть военным) только потому, что был сыном «врага народа». Не взяли и добровольно. Я не стал офицером (хотя мечтал с детства) только потому, что был сыном «врага народа». А каждый фронтовик знает, каково пройти всю войну солдатом.

По окончании школы имени Ворошилова в 1940 году моих товарищей взяли в армию. Меня не взяли, не доверили. Уехал в Саратов, поступил в планово-экономический институт. Но через полгода пришлось бросить: вышел указ Сталина об отмене стипендий и введении платного обучения в вузах. Мои однокурсники в знак протеста стали бросать институт. Уехал и я. Дома без экзаменов меня взяли в Арзамасский учительский институт, хотя я и опоздал на полгода. Когда кончил первый курс, началась война.

Оборонные работы

На втором курсе мы почти не учились: осенью поехали на сельхозработы в Н. Усад, Кожино. Мои друзья (Коля Беспалов, Леша Беляков и другие) поступили добровольно в лыжный

батальон, который формировался в Саранске, и уехали на фронт. Подал заявление и я. Не взяли. Я бы, наверное, согласился и в штрафную роту: очень было обидно (надо отдать должное, воспитывали нас патриотами). Возможно, судьба: Бог миловал. Друзья мои, ушедшие в армию в 1940 году (Виктор Пошан, Володя Бриков), погибли. Погибли и лыжники: Коля Беспалов, Леша Беляков (умер дома от ран). А я вот живу, хотя и прошел всю войну не в обозе: дважды ранен, контужен. А жив...

Зимой 1941 года нас, студентов, послали на оборонные работы под Муром (Лопатино, Тереховицы). Поезда ходили плохо. До Мурома добирались больше суток. Мороз градусов 30, а мы на товарняке, на открытых платформах, на каких-то чугунных трубах.

Условия работы были ужасные. В 20—30-градусный мороз рыли противотанковые рвы в два человеческих роста глубиной. Лопаты, кирки, ломы...

В конце декабря у меня раздулась щека: флюс. Пришлось отправиться в Арзамас, к стоматологу. Мамы дома не было, а на письменном столе лежала повестка: 30 декабря 1941 года явиться в горвоенкомат с вещами (полотенце, ложка, кружка и др.). «Мирная» жизнь кончилась. Наконец, и для меня началась война. Для сына «врага народа».

Горьковская «дикая» дивизия

Уже на другой день, 31 декабря, я был в Правдинске, под Горьким, в полковой школе (через несколько дней меня отобрали для отправки в артиллерийское училище, но... мандатная комиссия (или СМЕРШ) вернула документы: сын «врага народа».

И я остался в 145 СД (стрелковой дивизии), 403 СП (стрелковом полку). О нашей 145, пожалуй, следует хоть немного сказать, а то о ней на нижегородской земле почти ничего не знают (даже без «почти»). А ведь она — наша родная, горьковская. И воевала неплохо. Освободила Витебск (и получила название: «Краснознаменная Витебская СД»), освобождала Ригу и закончила войну в Прибалтике.

Впервые 145 СД была сформирована в 1939 году на Смоленской земле.

После огромных потерь под Рославлем вновь 145 СД по решению Ставки Верховного Главнокомандующего начала

создаваться в конце 1941 года в районе города Горького (Балахна, Правдинск). Среди ее контингента было немало зеков, урок из ГУЛАГа. Поэтому негласно ее называли «дикой дивизией». Я оказался в ней, видимо, из-за отца. Прибыл в полковую школу (Правдинск) в конце декабря 1941 – начале января 1942 года: в начале ее переформирования.

Шло время. В конце февраля пришлось, наконец, расстаться с Правдинском. И, слава Богу. Нам присвоили звания сержантов и временно назначили командирами пулеметных расчетов. Однажды ночью подняли по тревоге и, построив, повели в черное, морозное «никуда». Оказалось недалеко – в Балахну. Там погрузили в «телятники» (товарные вагоны) с двухъярусными нарами и заинделевыми стенами. Грузились довольно долго.

Вечером высадились на ст. Кувшиново. Мороз за 20. Километра через три – сосновый бор, наш ночлег. Нарубили лапника, подстелили. Легли почетверо: две шинели под себя, две на себя...

Шли с темна дотемна по холмистой заснеженной равнине; засыпали на ходу; просыпались, натываясь на спину впереди идущего.

В походе нас обгонял на бойкой сытой лошадке, запряженной в саночки с полостью, наш командир 403 СП майор Мартыненко. В новой голубоватой шинельке, кубанке, белых валеночках, сытый, розовощекий, жизнерадостный. «Ну, как, орлы? — заводил он разговор, подражая Суворову. — Тяжко? Ничего: тяжело в походе — легко в бою. Так-то». И ехал дальше. А мы, голодные, измученные до изнеможения, готовы были лечь, чтобы больше не вставать.

Боевое крещение

После почти 500-километрового изнурительного похода на фронт мы, наконец, пришли на место дислокации, в деревню Крутели Демидовского района Смоленской области. Наш 403-й стрелковый полк 15-й стрелковой дивизии расселили по хатам, обязав хозяев кормить нас из своих скудных припасов (отставшие обозы так и не пришли), до нас в Крутелях были немцы, и рассчитывать на приличный «харч» было нечего. Но мне повезло: поселили в более или менее благополучной семье

Герасимовых. Хозяин по имени Мартын был, как мне, юнцу, показалось, старик лет 50, белобилетник, хозяйка Ксения – очень миловидная блондинка, с косами «под солому» и большими голубыми глазами. Невольно представилась картина Пукирева «Неравный брак». Встретили они меня радушно, хорошо кормили; Мартын угощал самосадом, который я, экономя, мешал с мхом из пазов между бревнами. Жили мы очень дружно. После тяжелого и голодного перехода отдых в деревне всем нам показался раем. Бойцы заводили даже романы с местными вдовушками. И на меня Ксения поглядывала с нежностью...

Наступил апрель, но зима задержалась. В середине месяца кое-где еще лежал снег, а растаявшая в лужах вода к утру превращалась в блестящие зеркальца. 18 апреля ночью нас подняли по тревоге. Ксения будто чувствовала, что больше не увидимся, подошла, поцеловала меня, перекрестила: «Возвернись живой». Поцеловались мы и с Мартыном. Больше я их не видел. (В конце 80-х годов на встрече с однополчанами в Демидове я узнал о их судьбе. К осени 1942 года немцы снова заняли Крутели. Партизаны из соседней Слободы (ныне Пржевальское) убили двух фашистов, и каратели согнали всех жителей в овраг и расстреляли. И Ксения попала в этот «брედень». Покоится ее прах в общей могиле. А Мартын вскоре умер. Теперь против Крутелей возвышается стелла в память об убиенных).

Строем вышли мы за околицу и погрузились в кромешную мглу. Долго двигались темным полем... Затем местами стал попадаться какой-то кустарник, за ним в низине – болота. Шли осторожно, рассредоточившись. «Отмахали», наверное, километров 20—25, так что «до места» было уже недалеко: из-за горизонта выныривали и гасли разноцветные ракеты. Спустившись с пригорка в низину, лишь на минуту задержались перед обширным болотом и захлюпали по сырой холодной хляби. Вода стала доходить до колена, затем до пояса и выше. Все тело коченело, но мы продолжали идти. Все чаще небо прорезывалось немецкими ракетами, которые то ярко освещали темную, таинственную, тревожную землю, то гасли. Это было красиво, но нам было не до эстетики. Ракеты заставляли нас приседать, а то и вовсе ложиться в ледяную жижу болота.

Но вот, наконец, и твердая земля... Хотелось курить, но и курить, и разговаривать запрещалось. Снова какое-то редколесье, голый кустарник и небольшой подъем. Шепотом из уст в уста передается команда: «Проверить оружие!»

И вдруг эта тишина взорвалась. Справа и слева под пулеметную трескотню метнулись в нас из темноты ослепительные пунктиры трассирующих пуль. Мины рвались на верхушках деревьев и дождем осколков поражали нас, наступающих. Один... другой, десятый, двадцатый – люди кучами валялись на землю. Началась страшная симфония воплей, криков, стонов раненых вперемешку с руганью и проклятьями. То и дело слышались выкрики команд, одобренные отборным матом: «Вперед! Вперед, вашу ...! Вперед!» И мы шли, бежали, топча мертвых и раненых или перепрыгивая через них.

Начало светать. Мой пулеметный расчет оказался на левом фланге пехоты. Мы выкатили «максим», развернули, и первый номер (наводчик) Колька Фадеев, начал вести огонь короткими очередями по направлению летевших в нас огненных пунктиров. Немцев за деревьями не было видно. И вдруг слева и справа прорвалось страшное, паническое: «Немцы! Окружают! Немцы! Немцы!» Я увидел их слева, за большой поляной. Фашисты шли в контратаку. Они упорно продвигались вперед, сверкая с животов вспышками автоматных очередей. Мы закатили пулемет за отвал воронки от снаряда и снова: стали бить по темным фигурам. Они падали, вставали и продолжали наступать, оставляя убитых позади себя. Николай, видя, как фрицы падают, впал в какой-то экстаз: истерически хохотал и орал: «А-а-а! Гады! Вот вам! А-а-а!» Но вдруг он странно дернулся и стал заваливаться на бок. Я бросился к нему, но он был мертв: пуля угодила в переносицу. Быстро занял его место и стал судорожно ловить в прорезь прицела ненавистные фигурки фашистов. Пулемет дал две-три очереди и захлебнулся: перекося патрона. Разбираться некогда: немцы – вот они! Я действовал как во сне: схватил ручной пулемет убитого и попытался выбросить его на сошки. Но в это самое время наши побежали. И эта панически орущая и бегущая толпа отгородила от меня немцев. Стрелять было нельзя.

Но в этот же момент мне показалось, будто кто-то сильно ударил меня палкой по ноге. А тут еще какой-то бегущий солдат налетел на меня и сбил с ног. Падая, я обо что-то ударился и потерял сознание. Когда очнулся, вокруг меня творилось ужасное: дикая возня, сопенье, крик, лязг и вопли. Оказалось, фрицы смяли нашу пехоту, и когда та побежала, ее встретили сзади автоматчики заградотряда. Пехотинцы оказались между двух огней. И на том месте, где я лежал, завязался рукопашный бой. Русские и немцы колотили, кололи, стреляли друг в друга. И невольно топтали, давили убитых и раненых, в том числе и меня. На мое счастье, одолели наши и погнали фашистов обратно, к их дотам и дзотам. Я же остался среди трупов, таких же, как я, несчастных. Картина была страшной: кучами друг на друге лежали вповалку убитые и раненые. Лужи крови повсюду. Удар по моей ноге в действительности, как оказалось впоследствии, был не ударом, а тяжелым ранением: немецкая пуля вошла в подъем левой ноги, раздробила голеностопный сустав и вышла с другой стороны, выше пятки, образовав большую рваную рану. Потеря крови была велика. Я совсем ослаб.

Свалка-рукопашная перемещалась все ближе к немецким дотам (наши в драке сильнее). На краю поляны, где я лежал, установилась тишина, если не замечать стона и причитаний раненых. Воспользовавшись этим «вакуумом», я стал отползать назад с помощью винтовки, взятой у убитого. Выстрелы и крики доносились теперь издалека. Нога замерзла, и боль несколько утихла. Я успокоился и продолжал ползти. Метров через триста мне повезло: появился санитар (откуда он взялся?). С его помощью я стал передвигаться быстрее, скоро мы достигли большой поляны, поросшей с краев густым, но пока еще голым кустарником. Слева ее пересекал ров, заполненный вешней водой. Возле него мы решили передохнуть. Санитар, низкорослый малый, с типичным крестьянским лицом, круглым, облезлым и конопатым, разрезал немецким штыком мой сапог, снял его, выбросил окровавленную портянку и перевязал ногу. Сделав это, он достал кисет, «катушу» (кресало, кремь и трут), свернул самокрутку и стал высекать огонь. Я давно хотел курить и потянулся за его кисетом, как вдруг он как-то неестественно дернулся, рванулся вперед и рухнул на землю

прямо передо мной. Синхронно с этим справа резанула автоматная очередь. Парень был убит наповал.

Наступила тишина. Я попытался отползти вдоль рва, но не успел передвинуться и на два метра, как снова резанула очередь. Снайпер явно забавлялся, издевался надо мной. Но что я мог? Стрелять? У меня в этой дуэли – ни единого шанса. Я бросился в ров и погрузился в воду, не чувствуя холода от напряжения и страха. Но только пошевелившись – автоматная очередь. И там, в кювете, коченея, я пролежал минут пять. Это обмануло фашиста. Он, видимо, отвлекся. И когда, собрав последние силы, я выскочил из рва и рванулся в кустарник, очередь прозвучала слишком поздно. Лишь одна из пуль прошла приклад моей винтовки. Преодолев боль, я ужом скользнул между кустами, и новая очередь не задела меня: бил наугад.

Мытарства мои на этом не кончились: по «закону подлости», перевязочный пункт, куда я приполз, оказался «чужим», не нашего полка. «Некуда! – отрезал санитар, хозяин пункта. – У меня свои друг на друге – и ползи дальше». Лишь вмешательство раненного в руку лейтенанта, который убедительно отmaterил санитаря, позволило мне остаться. Почувствовав расположение к моему «адвокату», я рассказал ему о моих злоключениях. Он «загорелся» и, прихватив с собой раненного в шею солдата, скрылся в лесу. С помощью санитаря и легкораненых я забрался на горячую печку. Сначала блаженно растянулся на ней и даже задремал, однако нога скоро оттаяла, и началась такая боль, что я взвыл. Но кричать было нельзя, и я грыз кирпичи. Нога опухла, поднялась температура. Минут через сорок, будто сквозь туман, я увидел, как вернулся лейтенант. Он бросил на пол немецкий «шмайсер» (автомат) и снайперскую винтовку и, увидев меня на печке, подмигнул и сказал: «Ты даешь! В купе угнезвился. Вот тебе гостинец твоя «кукушка» прислала. На дереве сидел гад. Теперь уже в аду». Он положил мне на край печки немецкие сигареты, горсть галет и плитку шоколада. Но мне было ни до чего: боль одолела.

Скоро подошла лошадь, запряженная в арбу, и для меня и еще троих раненых начался долгий и тяжелый путь по ППГ (полевой передвижной госпиталь).

После ранения

Описание тех мучений, которые испытывали раненые, передвигаясь от ППГ к ППГ (передвижные полевые госпитали), заняло бы не одну газетную полосу. Поэтому скажу лишь коротко. Весь день в какой-нибудь хуторской хате или в избушке лесника, вповалку на полу, на своих шинелях и под шинелями, в духоте, во вшах, с запахом застоявшегося гноя – это и есть ППГ. А ночью на трясучей арбе по лесной дороге, по грязи, по выбоинам и ухабам – это и есть ППГ. Лучшей дорогой считалась «рояль»: дрыгающиеся, как клавиши, жерди, уложенные поперек дороги. Но та «лучшая» так трясла, вызывала такую боль, что не знали, куда от нее деваться.

И так более недели, пока не добрались до ЭГ (эвакогоспиталя), стационара в г. Торопце. Не буду описывать тот ужас, который испытали через два дня после поступления раненые, попав под бомбежку и эвакуации из госпиталя. Более трети из них фашистские стервятники «эвакуировали» на тот свет. Но все проходит. И плохое проходит. Время – лекарь.

Помню день в г. Осташкове, в ЭГ с окнами на красивейшее озеро Селигер; два дня в г. Москве, в Тимирязевке, превращенной в госпиталь. И, наконец, – Казанский вокзал. Ходили слухи, будто повезут нас куда-то за Урал.

Всю ночь я спал. Утром просыпаюсь – поезд стоит. Взглянул в окно и замер от восторга: прямо против меня до боли знакомое здание и вывеска: «Арзамас II». Что испытал я, столько пережив и вдруг очутившись в родном городе. Сказка! Боялся одного: для «бочки меда» всегда приготовлена «ложка дегтя»: сейчас загудит паровоз, тронется состав – и «прощай, любимый город».

Но на счастье, состав наш простоял два часа. Взяв костыли у соседа (я «лежачий» – мне не положено), вышел в тамбур вагона в чем был: в нательном белье и гипсе до бедра. С надеждой всматривался в снующих на вокзале людей. Боже, сверши чудо: пусть попадется хотя бы один знакомый, даже малознакомый! Но все чужие, чужие лица. И вдруг свершилось: подбегает к вагону девушка. Господи, Наташа, Наташка Копылова из параллельного класса. «Женька! – кричит она. – Ты жив?!» Оказывается, мама получила «похоронку» или письмо о моей смерти – теперь не помню. «Наташа! – взмолился. – Беги на станцию, позвони в институт, попроси сбегать кого-либо на М. Горького, 28; может, мама успеет прибежать». Наташа

убежала... Не прошло и часа, как из-за водонапорной башни показалась толпа бегущих. Впереди – мама, за ней обе сестры, Валя и Тамара, и несколько студенток, моих однокурсниц. Подбегая к вагону, мама лишь смогла выдохнуть сквозь слезы: «Женя... жив?!» — и потеряла сознание. К счастью, кто-то успел ее поддержать. Очнувшись, она вдруг вырвалась и убежала. Куда? Зачем? Я ничего не понимал. Девчонки обступили подножки вагона. Пошли восклицания, охи, расспросы. Я машинально что-то отвечал. Минут через 20, так же неожиданно, как и убежала, появилась мама. «Женя! – радостно кричала она. – Тебя сейчас снимут!» «Как снимут? – запротестовал я. – В таком-то виде? Не нужно никаких фотографий!» «Да нет, – возразила она, – с поезда снимут, я договорилась с эвакопунктом. Положат в Арзамас».

Арзамас, ЭГ– 2823

И действительно, скоро пришел санитарный автобус, и через полчаса я был уже в ЭГ 2823 (теперь территория тубдиспансера). Обширный двор, в центре – приземистое двухэтажное здание; у забора – еще одно – двухэтажное каменное, с окнами на р. Тешу. Говорят, театр начинается с вешалки. А больница (и госпиталь), наверное, с ванной. В ванной меня встретила, повернувшись ко мне спиной, невысокая худенькая медсестра. Я поздоровался. Она ответила, не оборачиваясь, продолжая мыть ванну. Скомандовала: «Ранбольной, раздевайтесь – и в ванну».

«Уходи отсюда, — запротестовал я, — без тебя вымоюсь». «Я сказала!» — повторила она строго и обернулась. Глаза ее вдруг расширились, округлились, губы расплылись в улыбке, и она радостно закричала: «Женька!» Это была девчонка с нашего двора, Сима Рыжова (теперь Благова), с которой мы вместе росли.

Не задержусь на описании госпитального быта. Весь персонал госпиталя 2823 был мне хорошо знаком. Начальник госпиталя, майор медицинской службы Милица Владимировна Докучаева – мамина приятельница, зав. отделением Александр Васильевич Сперанский и Ирина, его дочь, палатный врач, – отец и сестра моего товарища Васи. Но поблажек мне не давали.

Во второй половине июля 1942 года в учительском институте был выпускной вечер. Я решил пойти туда. Там были

все выпускники, с которыми я проучился полтора года. Вечером я перелез через забор, перебросив вначале костыли. Дома переоделся и часам к 10 вечера добрался до института. Успел только на танцы. И танцевал! Девчонки приглашали меня нарасхват. На другой день М. В. Докучаева вызвала меня, поставила по стойке «смирно» и отчитала. «Поедешь в Свердловский госпиталь, – заключила она, – мне хулиганы не нужны». Но маме как-то удалось уговорить ее, и я остался. Правда, урок не пошел впрок. И мы с моим приятелем, тоже раненым, Юркой Рябовым, еще не раз побывали в самоволке. Даже выпивали с его отцом, полным Георгиевским кавалером.

Вскоре я был уже под Москвой на станции Салтыковской, в запасном полку с «волчьим билетом»: «внестроевая, в глубоком тылу, без физического труда». С такой «протекцией» на фронт не попадешь, и в запасном я чуть не умер с голоду. «Покупатели» (офицеры с фронта, прибывшие за пополнением) не хотели на меня и смотреть. Стал хитрить, «симулировать наоборот»: брошу палку, сцеплю зубы от боли и рублю строевым – не верят. И только капитан, нач. штаба 369 мотоинженерного батальона 10-й армии сказал: «Не втирай очки, но мне нужен грамотный мужик. Пойдешь на взвод управления?» Я знал, что это офицерская должность, а больше ничего не знал. Но что делать? Пришлось согласиться. Капитан меня успокоил, обещал все уладить. Прибыли на ст. Фаянсовая, под Рославль (там еще были немцы). Кругом лес. Через неделю капитан взял меня осматривать бетонированные колпаки; прихватил с собой солдата, ординарца Васю. И надо же, начал в это самое время немец пристрелку тяжелыми. Мы стоим, курим и спорим, где следующий ляжет. Разорвался совсем близко. Мои спутники бросились к старой воронке от снаряда «Беги сюда, – кричит капитан, – скорее!» А я бежать не могу, на одной ноге прыгаю. И вдруг дикий свист. И оборвался, значит – мой. Бросаюсь на землю. Яркий свет – и тьма. И все. Больше ничего не помню.

О дальнейшем рассказали капитан и Вася, которые после нашего наступления и освобождения Рославля, навестили меня там, в госпитале. Когда пристрелка кончилась, они увидели, что почти там, где я прежде лежал, зияла воронка с огромным отвалом земли. «Вряд ли куски найдем», – решил капитан, но Вася в отвале земли увидел носок сапога. Стали раскапывать —

другой сапог. Постепенно появилось все тело. Из ушей, из носа шла кровь. Но пульс был, хотя слабый. Весь правый бок синий. Понесли в санбат. Потом анализировали: если б я оказался чуть дальше от взрыва, осколки превратили б меня в рагу, а так они прошли под углом надо мной. Земля, накрыв меня, спасла от взрывной волны. Я отделался контузией. Правда, и теперь плохо слышу на правое ухо и плохо вижу правым глазом.

Я рассказал о событиях своей жизни, которые происходили задолго до Победы. «Мы за ценой не постоим!» — не пустые слова. Победа давалась большой ценой, особенно в начале, в 1941-42 годах. Солдатами не рождаются, ими становятся именно в такое время: в грязи, в крови, в голоде, в холоде. Война делалась не только и не столько Героями Советского Союза (хотя никто не осмелится умалять и их заслуги), сколько сотнями тысяч, даже миллионами незаметных, скромных, простых солдат, которых забывали награждать, а потом и совсем забыли.

К.А. Бордей

Так началась моя жизнь в Арзамасе

В день объявления войны мы находились на дневном выездном спектакле МХАТа в Горьковском драмтеатре.

Мы – это я, мой муж Игорь, наши друзья поэт Ваня Рогов и Костя Новиков – все студенты, последнего года обучения в пединституте. С нами был и наш старший друг, в то время уже известный горьковский поэт Миша Шестериков. Выходим из театра и видим толпы народа у репродукторов – объявили войну. Тревожные настроения в народе были еще со времени приезда в Москву Риббентропа и заключения того злосчастного пакта «о ненападении». Мы дружно ненавидели капитализм, верили в силу нашей армии и народа, нашей великой Родины. Все западное было нам чуждо.

Теперь покажется странным, но мы очень обрадовались – наконец-то мы поставим на место этих капиталистов! Разгромим их в считанные дни!

Однако, вскоре поступили тревожные вести: немцы двинулись к Москве, начались бомбежки Горького. Самолеты так низко летали над городом, что с земли можно было рассмотреть фигуру летчика. Особенно тревожно было в тот день, когда немецкая бомба попала в здание телефонного завода на Мызе. В этот час как раз шло заседание парткома, на котором присутствовали многие руководители завода. Все они погибли от прямого попадания бомбы.

Вскоре объявили мобилизацию и студентов. Ваню Рогова, Костю Новикова и своего мужа я провожала ночью с Ромодановского вокзала. Настроение все еще было бодрое: «Жди, кто бы из нас ни вернулся – приедем к тебе!» Пели песни. А на мостике, над вокзальной платформой, склонив головы вниз, не плакали, а были немолодые женщины с детьми, провожавшие мужей. Вокзал оцепили, и подойти к вагонам было невозможно. Но мне все же удалось узнать от какого-то военного чина, что поезд пойдет через Арзамас. И я пошла по ночному городу на центральный почтамт. В то время и мысли ни у кого не было, что могут тебя обидеть.

На центральном телеграфе мне без промедления и без денег, которых у меня не было, дали возможность сообщить в

Арзамас о направлении поезда моему свекру Г.Д. Бордею, чтобы он смог подвезти будущим воинам кое-какие вещи, а главное – еду. В Горьком в первый же день войны раскупили все продукты, и магазины были пусты.

Григорий Дмитриевич Бордей до войны был заведующим городской больницей, находившейся в то время на улице Кирова, а во время войны работал и в госпитале, располагавшемся в здании педучилища.

Осталась я одна. Жили мы на улице Обозной в маленьком частном домике – 2 комнаты и кухня. Поскольку после окончания учебы мы намеревались остаться в Горьком, свекор решил купить этот домик для нас и уже выплатил хозяевам половину суммы. Горький бомбили непрерывно, поэтому родители моего мужа распорядились так: «Сиди и жди грузовую машину, она приедет за медикаментами для только что открытого в Арзамасе госпиталя, куда уже стали поступать раненые. К тебе придет Елизавета Ивановна Матигина (тоже студентка пединститута, жившая в общежитии; отец ее работал с моим свекром). Машина будет перегружена, из вещей ничего не берите, т.к. места хватит только для двоих».

В ожидании машины мы сидели трое суток. Ни денег, ни продуктов не было, но почему-то было много моркови. Все три дня мы ели одну морковь и... читали стихи.

И вот за нами приехала Милица Владимировна Докучаева, заведующая отделом здравоохранения. Был страшный мороз, мы забрались в кузов и втиснулись среди госпитального имущества. Не доезжая до Арзамаса километров 15, машина изломалась. Шофер и плачущая Милица Владимировна направились за помощью к расположенным по трассе домам. А мы с Елизаветой Ивановной пошли в город пешком и стерли ноги в кровь.

Так началась моя жизнь в Арзамасе. Вскоре, однако, было принято постановление правительства о возвращении студентов последних курсов в институт. Им была предоставлена возможность защитить дипломы. Мой муж и Ваня Рогов получили назначение в школы Арзамаса. Отсюда примерно через месяц мы и проводили Ваню на фронт. Еще до поступления в институт он служил в пограничных войсках и, казалось, имел уже опыт. Но в первом же его письме с фронта я

прочитала: «Фронт – суровая вещь. Я его прежде представлял не таким». Не суждено ему было вернуться. Он похоронен в братской могиле. Его последнее письмо написано в декабре 1942 года. Уже после войны я принимала участие в составлении посмертного сборника его стихов. Костя Новиков, отвоёвав «от звонка до звонка», долгое время работал в советском посольстве в Италии. Сейчас он живет в Москве. Наша дружба продолжается вот уже 60 лет! И это одна из моих «отдушин» в сегодняшней жизни. Не пишу – «в старости», т.к. не люблю, когда люди стараются вызвать к себе жалость, именуя себя стариками, и следую принципу Анны Ахматовой: «Всегда не умела быть слабой, а жалкой – Господь упаси».

Муж мой до поступления в пединститут уже имел высшее образование инженера-строителя и, видимо, поэтому был направлен в танковое училище в Богумльму. Но у меня была надежда – пока учится, немцев разгромят! Вскоре мы получили сообщение от командира танкового училища, что Бордей И.Г. тяжело болен – гипертонический криз. Это было началом тяжелой гипертонии, доставшейся ему в наследство от отца и сопровождавшей его всю оставшуюся жизнь. Я поехала в Богумльму. Поезда забиты, ехать приходилось с пересадками на товарных. Приезжаю в Казань, а там ко мне подходит военный патруль, требует предъявить документы, т.к. я была в военной гимнастерке, данной мне для поездки друзьями. Привели меня, плачущую, в комендатуру, но, выслушав мой рассказ, прониклись сочувствием и помогли добраться до госпиталя.

А к нам в Арзамас стали прибывать родственники родителей мужа, эвакуированные из разных городов страны. Запомнился мне звонок с вокзала: «Приехали ваши родные из Украины, добирались две недели, идти не могут, истощены, привезите хлеба». Это был дядя Костя с женой. Немного поправившись, он пошел работать врачом в поликлинику № 1. Недолго он прожил, тяжело далась ему эта эвакуация из Павлодара. Здесь и похоронили.

Вдруг появляется семейство из четырех человек – тетя Вера с семьей из Москвы, откуда уже шла эвакуация. В их дом попала бомба. Выходят они из бомбоубежища, а на месте дома развалины. Так в чем были и приехали. А там прибыли из Ленинграда две сестры с семьями, добирались по льду Ладоги.

Постепенно все стали устраиваться на работу, получили какие-то комнаты, но первое трудное время им была нужна наша поддержка. Четыре человека так же жили у нас до окончания войны.

В военные годы на мою долю не досталось ни страданий беженцев, ни голода. Жили мы в тепле, хозяйственные заботы принял на свои плечи мой любимый свекор, который с первого дня моего появления в доме стал мне самым дорогим – папой. Он много работал и в больнице, и в госпитале. Кроме того, в то время существовала так называемая частная практика. Идешь с работы домой, а на площади у дома стоят телеги. Это приехали больные со всего района. В прихожей сидят люди в ожидании приема у врача. Расплачивался кто мукой, кто крупой, а кто и просто благодарностью. Сколько писем сохранилось от спасенных им больных и солдат! Досталось моему свекру и забот, и работы, что и было, конечно, причиной его смерти в 1946 году в возрасте 58 лет. Этот послевоенный год я никогда не забуду. На наших руках остались две старушки без пенсий. Было же время – пенсий не назначали! Паек на иждивенцев состоял из 150 граммов хлеба. А у нас ни денег, ни продуктов, а главное – нет дров. Свекор за свою жизнь не приобрел ни дома, ни машины, ни каких-либо ценностей. Чтобы протопить нашу квартиру, нужно было 25 кубометров дров. Копили деньги на них весь год, откладывая от получек. В лесхозе мне выписывали делянку. Причем, это делали только в память о покойном. Затем я ехала в лес, лесник клеймил нужные деревья. Я нанимала рубщиков, возчиков – и вот бревна во дворе! Остается лишь распилить их и расколоть. Намаявшись с отоплением дома, пошли мы в жилуправление и предложили отдать кому-нибудь одну комнату, ход в которую был из кухни. Ни о какой продаже коммунальных квартир тогда и мысли не было. Познакомили нас с милым, симпатичным семейством, с которым мы и прожили, имея общую кухню до 1963 г., когда мужу дали от пединститута благоустроенную квартиру. Не помню ни одной ссоры, ни одного недоразумения, только доброжелательность и помощь друг другу.

Очень помогла нам все та же Милица Владимировна Докучаева, устроив меня на работу экономистом в вольнонаемный состав войсковой части, что на улице

Советской. Об этом свидетельствует запись в трудовой книжке, заканчивающаяся фразой: «Принято торжественное и клятвенное обязательство». Там я получала военные продуктовые карточки, да и зарплата была побольше. Командовал этой войсковой частью генерал Василий Петрович Мельник. В мои обязанности входило снабжение топливом, горючим и автотранспортом, а также ремонты, заявки на вагоны и приемка грузов. В состав отдела входило девять вольнонаемных и четыре техника-смотрителя зданий. Были частые ночные дежурства и ненормированное время работы.

Запомнился мне один случай. Генерал приказал организовать разгрузку грузов на станции Арзамас I силами вольнонаемных, так как военные были заняты на каких-то срочных городских ремонтах. «Возьмите с собой бидоны, вам там выдадут повидлу», – предупредил он. Пришли мы, худые и бледные. Начальник станции, посмотрев на нас, аж плюнул, и говорит: «Кур вам разгружать, а не вагоны!» После разгрузки повели нас к бочкам с повидлом. Набрали мы по полному бидону, и сами ели, выскребывая картонками даже дно бочек. Долго потом не хотелось вспоминать это повидло. А как обрадовались сладкому наши старушки! Они любили пить чай, и для них мы, по мере возможности, покупали кусками на базаре вареный сахар. Вспомнились мне эти разгрузки, когда я натолкнулась на запись в своей трудовой книжке: «Приказ № 120 «За хорошую, добросовестную и своевременную работу, связанную с выполнением приказаний вышестоящего командования, вынесена благодарность».

По ходатайству генерала Мельника работникам нашего отдела выделили участки вдоль берега реки Теши для посадки капусты. И хотя тяжелые были времена, но никто не украл ни одного вилка! Никакой охраны там не было.

Запомнился мне первый день отмены карточек на хлеб. Наша старушка няня на радостях принесла откуда-то целый фартук настоящих булок. Она же первой и услышала об окончании войны. Ранним утром раненые, раскрыв окна госпиталя, громкими криками сообщали эту весть (дом наш находился через дорогу от педучилища). Жизнь стала постепенно налаживаться.

Чужой беды не бывает

На мою долю выпало трудное военное время. В 1941 году я окончила физико-математический факультет Арзамасского учительского института. Многие из моих сокурсников, не дожидаясь призыва, ушли на фронт. Институт покинули и наши любимые преподаватели – Д.С. Морашко, И.И. Улитин. Остальные выпускники разъехались по распределению в разные районы Нижегородской области. Жизнь продолжалась, нужно было учить детей. Да и многие тогда никак не думали и не предполагали, что война «затянется» на долгие 4 года.

Меня направили в районный центр – город Лукоянов, работала там заведующей методическим кабинетом Роно и параллельно преподавала математику в Лукояновском педучилище.

Жилья не было, устроилась на частную квартиру. Хозяйка, замечательная женщина, растила одна троих детей (муж погиб на фронте). В комнатке моей, совсем крохотной, стояла кровать, тумбочка и стул. Над кроватью висел «ковер»: написанная масляной краской на холсте репродукция с картины Васнецова «Аленушка».

Еду готовили в русской печке. Жили дружно, помогали друг другу, чем только могли. Горе и боль тогда были общими. Прописной истиной звучали слова «Чужой беды не бывает».

Работникам Роно тогда выдавали маленький паек: немного хлеба, сахарин, иногда давали крахмальный кисель, хлеб был «тяжелым», видимо, из плохо просеянной муки, и в него добавлялся еще мелкий картофель – целиком. И когда буханку разрезали, картошка была, как шпик в колбасе. Жевался такой хлеб с трудом.

Под посадку картофеля учителям выделялся небольшой участок земли. Обрабатывать землю и собирать урожай помогали студенты.

В школах было холодно, дров не хватало. На уроках сидели в пальто и теплых вещах, в чернильницах застывали даже чернила. На заготовку дров ездили сами учителя, школам выделялась специальная делянка в ближайшем лесу. Зимы стояли холодные, суровые, у многих не хватало теплой одежды

и обуви. Чтобы ноги не отморозить, их вначале заворачивали в газеты, а потом уже надевали валенки. Деревья пилили, валили и кололи сами преподаватели, помогали им ребята из средних и старших классов.

Следующей трудностью было отсутствие и недостаток ученических тетрадей. Многие дети писали на газетах, в промежутках между строк. Иногда удавалось покупать тетради на «черном» рынке. Для своей дочки-первоклассницы я находила на работе белые листы, линовала их по косой, затем сшивала в тетради.

Кроме основных своих обязанностей, я была еще председателем райкома Союза учителей. Одна из задач райкома – получение и распределение промышленных товаров для преподавателей (валенки, шапки, чулки, варежки), т.к. в магазинах данные товары отсутствовали. Распределение осуществлялось по спискам, учитывалась очередность, степень нуждаемости.

Ежедневно слушали радио – черная тарелка репродуктора висела на стене. Голос Левитана возвещал о трудностях первых месяцев войны: «После тяжелых и кровопролитных боев наши войска оставили город...» Тревожно было и на душе, шли разговоры о том, что будет, если к нам придут немцы. Но все-таки теплилась надежда на лучшее, на победу, и она оправдалась.

Вести с фронта стали приходить радостные и по радио, и во фронтовых письмах.

Несмотря на сложности, в школах для детей устраивались новогодние елки, правда, подарки были очень скромные, а то и совсем их не было. Учителя готовили с детьми концерты и выступали перед ранеными в госпиталях, собирали лекарственные травы и сдавали в аптеку, шили кисеты для раненых.

В городе был организован хор учителей. Руководила им Паскевич Галина Владимировна, в дальнейшем Заслуженный работник культуры. Пели «Смуглянку», «Ой, туманы мои...» и др.

Вот такой она была, наша тыловая жизнь.

А.И. Павелкина

Всем жилось тогда нелегко...

Когда началась война, мне исполнилось 10 лет. В это время я с мамой, братьями и сестрами жила в селе Поя Лукояновского района.

Приходилось много работать и выполнять очень тяжелую работу, потому что большинство здоровых, сильных мужчин было на фронте. Нужно было обрабатывать колхозное поле, но и не забывать трудиться на собственном участке. В колхозе пахали лошадью, трактором, а вот свое «мини-поле» приходилось пахать собственными силами: в соху впрягалось три-четыре человека, а один шел за ними.

Я была совсем маленькая, но часто приходилось работать на молотилке. Я должна была наравне с взрослыми женщинами крутить цепом, бить им по колосьям и не отставать от других. Однако, эта работа давалась очень тяжело.

Несмотря на то, что работа совмещалась с учебой, бывали порой и такие периоды, когда занятия в школе прекращались вовсе. И все-таки школу я закончила с отличием.

В военное время всем жилось нелегко. Питаться тогда приходилось, в лучшем случае, «калябушками»: в железном листке гвоздем протыкали дырки, получалось наподобие терки, и через терку пропускали картошку. Пальцы при этой процедуре стирались до крови. Затем тертую картошку перемешивали с небольшим количеством муки и запекали. А с мукой дело обстояло так: с колхозного поля за работу обычно давали полмешка пшеницы, но на этой мизерной норме долго не продержишься. Поэтому рвали лебеду, выбивали из нее семена и из этих семян делали муку.

Урожай с собственного огорода и молоко от своей коровы помогали выживать. Некоторые из односельчан, у которых дела с едой были совсем плохи, приходили к нам, и моя мама, чем могла, им помогала. Хотя, конечно, бывали времена, например, весной, когда есть было нечего. Тогда шли на колхозное поле, выкапывали прошлогоднюю картошку, разводили с водой эту крахмальную массу и ели.

Однако были и такие моменты, которые запомнились мне как самые лучшие из тех военных лет.

Самым счастливым стал день, когда меня впервые взяли на сенокос. Мама нарядила меня в самое лучшее белое платье. Было ощущение, что я уже стала взрослой. После окончания работы все стали петь песни. Братья умели играть на гармошке, гитаре, я сама немного «бренчала» на балалайке. И все мы, уставшие, но счастливые, сидели и пели песни.

Вскоре братья ушли вслед за отцом на фронт. Уходили они одной колонной, шли за телегой, на которой находились их сумки. Одеты были очень плохо, некоторые были обуты в лапти.

Письма с фронта поступали очень редко. Одна из первых весточек с фронта была тяжелой для всей нашей семьи: на фронте погибли отец и брат. Это известие явилось самым горестным и тяжелым эпизодом в военные годы.

Но жизнь продолжалась. Закончилась война. Я поступила в Горьковский техникум советской торговли на бухгалтерское отделение, закончила его с отличием.

Работала в Балахне, вышла замуж за военного, побывала с ним во многих местах, поскольку он служил и в Прибалтике, и в Армении, и в Германии.

Затем до пенсии работала старшим лаборантом на кафедре физики Арзамасского педагогического института.

Н.С. Востокова

Чувства, которые трудно передать словами

Война. Как поначалу рокирующее и глухо, а затем со все более нарастающим гулом страха действует она на умы людей. Неожиданное нападение, неожиданный роспуск учительского института – неожиданное стечение обстоятельств, – все это как-то разом обрушилось на мои плечи.

Муж перешел на должность директора школы в Сухобезводное. Я в это время работала учителем в Семеновской школе. Вскоре мужа забирают в армию, а меня приглашают работать на место мужа, куда мы переехали со всей семьей. Спустя 3 месяца, муж возвратился, не принятый медкомиссией, и приступил к работе в новой должности инструктора политотдела МВД.

Сухобезводное – небольшое село, находящееся в 40 километрах от Семенова, было одним из звеньев в цепи ГУЛАГа. Вокруг него располагалось 13 лагерных пунктов, а значит, жителями Сухобезводного, в большинстве были военные.

Теперь я приступила к новой должности – директора школы. В первые годы не было помещения для жилья, и поэтому для нашей семьи оборудовали один из школьных классов. Несмотря на сложное военное положение, школа отапливалась дровами бесперебойно.

В 1942 году школа произвела первый выпуск, ученики которого были сразу отправлены в учебную часть, после чего – на фронт. Назад из них не вернулся никто. Первая похоронка пришла в конце того же года.

Вскоре после начала войны в тыл стали поступать раненые и эвакуированные. В Семенове располагалось много госпиталей, один из которых – в здании школы.

Я часто посещала Семеново, с учениками даже устраивали концерты в семеновских госпиталях.

Однажды я приехала к родственникам в Кстово. В одну из ночей немецкая авиация совершала налет на Горький. Самолеты пролетали над Кстово: жужжание, гул моторов нагоняли чувства страха и безысходности, чувства, которые трудно передать словами.

Приходилось бывать мне и в военном Горьком. Внешняя обычность города скрывала за бумажными крестами окон напряжение каждой семьи, каждого человека.

Трудным было и материальное положение: приходилось заготавливать лесные продукты, за которые в обменных пунктах получали самое необходимое для жизни.

В 1944 году наша семья переехала в отдельную комнату в бараке. В этом же году вспыхивают и массовые заболевания скарлатиной, заболел и годовалый сын Валера. Мне пришлось продать фамильную ценность — золотые карманные часы отца, на эти средства купили молочную козу — Белку.

Жизнь все еще была трудной, но уже чувствовалось приближение победы, и каждый новый день приносил известия об очередных победах нашей армии, которые подводили ее к Берлину.

И вот он пришел, такой долгожданный и вместе с тем неожиданный День Победы, а вместе с ним — и новые надежды.

Дорогая цена Победы

В 1938 г. я закончила с красным дипломом Московский городской педагогический институт. К этому времени вышла замуж. Но вот наступил 1941 год. Лето. Быстро начались вражеские налеты (хотя первоначально мы этого не знали, т.к. нам говорили, что это учебные налеты). Но мы догадывались, что это не учения.

Мы с пасеки ходили в бомбоубежища. Через три недели был отдан приказ: всем работникам Тимирязевской академии эвакуироваться. Муж в это время был эвакуирован в Челябинск с заводом "Калибр". А мы, "женщины Тимирязевки", спецпоездом были отправлены в совхоз под Мичуринск. Я эвакуировалась с 2 детьми: сын Эдуард -1,5 года и дочь Эльвира – 3 года. В совхозе мы прожили недолго. В конце июля поехали в г. Бийск к родной сестре Вере (у нее 3 детей). Ее муж работал зоотехником, но и его ждала война. Остались лишь мы: двое женщин и 5 детей. Меня направили в село Суртайка работать директором школы. Жили мы в простой сельской семье. Жизнь была очень тяжелой. Избу топили кизяками. Спасало то, что была корова. Хлеба получали: я – как работающая 400 г., сестра – 200 г., дети (5) — по 100 г. Очень трудно было с солью. Но чтобы разнообразить военную жизнь, справляли все советские праздники: на 7 ноября всегда был концерт и др.

В 1944 году получила вызов о возвращении в Москву. В Москву нас не пустили, т.к. все были очень грязные. Высадили, не доезжая до Москвы, а дальше на электричку и до Казанского вокзала. Это где-то лето-осень 1944 г. Необходима была работа. Я устроилась старшим лаборантом на кафедру академика Скрябина «паразитологии и инвазионных болезней».

Вот наступил долгожданный день 9 мая 1945 г. Нам объявили, что немцы побеждены. Я с детьми поехала на празднование. Народу было много: шум, смех, слезы радости...

Да, какой же все-таки дорогой ценой досталась она, эта долгожданная Победа!

Э.А. Сидорова

Мы родом из военного детства

В 1941 году я была совсем маленькой и, как многие мои сверстники, посещала детсад. Война шла где-то далеко, но в детском садике многое изменилось: стали скромнее обеды, новые игрушки совсем не поступали. На обеденный стол раньше ставилась тарелка с хлебом, и каждый брал кому сколько надо. Теперь же каждый мог взять только один кусочек.

Алеша быстро брал из тарелки горбушку.

– Почему ты всегда берешь горбушку? – спрашивали мы его.

– А в ней хлеба больше, – отвечал он.

– Как больше? – недоумевали мы.

– А вот так. Я сначала ем мякиш, а потом, когда вы уже свои кусочки съедаете, у меня еще остается корочка.

И мы поняли, что это действительно так, и тоже стали стараться завладеть горбушкой.

* * *

Осенью светает поздно. И когда я с дедушкой утром шла в детский сад, на улице было совсем темно. Темно еще и оттого, что окна в домах были плотно зашторены, электрическое освещение на улицах выключено – светомаскировка. И только по черному небу метались, то замирая, то перекрещиваясь, яркие световые полосы прожекторов. Они «караулили» небо, где иногда слышался отдаленный гул моторов – вражеские самолеты долетали и к нам.

– Дедушка, давай посмотрим прожекторы, – просила я.

Мы замедляли шаг и смотрели в черное небо. Вдруг два прожектора скрестились в небе, и в месте их пересечения оказался вражеский самолет. Он казался таким маленьким, потому что был очень высоко. Я следила за ним и думала, что летчику, наверное, очень хочется выбраться из этого плена, и, вроде бы, нет ничего сложного, но лучи прожекторов не выпускали его из своих «объятий», следуя за ним. Потом, где-то совсем далеко, что-то затрещало, ухнуло – это по врагу били зенитки...

* * *

Сегодня в нашем детском садике необычный день – провожают на фронт любимую воспитательницу Зинаиду Ивановну. Волновались все: дети, нянечки, воспитатели. После завтрака, когда дети собрались в зале, к нам вошла совсем незнакомая девушка. И одета она была необычно: перехваченная ремнем, гимнастерка защитного цвета, узкая до колен юбка, новые сапожки, пилотка. Это была наша любимая Зинаида Ивановна – такая ладная и красивая. Дети сначала растерялись, а потом окружили ее тесным кольцом и стали рассматривать новенькую военную форму. Каждому хотелось потрогать звезду на пряжке, хрустящий ремень; пуговицы на гимнастерке.

– Зинаида Ивановна, Вы будете летчицей? – спросила я.

– Нет, детки, я буду зенитчицей, так что фашистским самолетам к нам не пролететь.

Все ребяташки захлопали в ладоши и стали шумно обсуждать сегодняшний обстрел. Но время шло и Зинаиде Ивановне нужно было уходить. Дети оделись и высыпали во двор, чтобы проводить до ворот. А когда воспитательница вышла на улицу и присоединилась к строю таких же молодых девчат в военных гимнастерках, мы облепили забор и долго махали вслед уходящему отряду.

* * * .

В военные годы многие помогали фронту, чем могли. Раненым нужно было много лекарств. Мы, школьники, активно участвовали в сборе лекарственных трав. Моим любимым занятием был сбор глухой крапивы (пустырника), который рос в изобилии вдоль заборов и дорог. Собирали по весне березовые почки, летом – ромашку. А еще собирали пустые флакончики, бутылочки, которые использовали под лекарственную тару. Все это сдавали в городскую аптеку. Ни о какой плате или награде мы и не помышляли. Но были очень рады, когда работники аптеки давали нам по маленькому пакетику витаминов – сладких зеленых горошин.

* * * .

В здании Лукояновской средней школы № 1 разместился госпиталь. Мы, пионеры и октябрюта, навещали раненых, приносили им скромные подарки, шили кисеты, клеили конверты для писем, выступали с концертами.

Я училась в первом классе и была почти самой маленькой среди артистов. Выступали в зале, куда собирались раненые, которые могли ходить. А к тяжело раненым приходили с концертом прямо в палату. Меня ставили на стул, и я пела: «За плечами якоря золотые горят, ветер ленты веселые вьет...». Другие читали стихи, танцевали. Раненые, в знак благодарности, дарили нам кто что мог: карандаш, кусочек сахара, белой булки, которые были для нас великим лакомством.